

СООБЩЕНИЯ

© 1994 г. О. В. БУДНИЦКИЙ *

«КРОВЬ ПО СОВЕСТИ»: ТЕРРОРИЗМ В РОССИИ (вторая половина XIX — начало XX в.)

«В начале было слово». Слово, а точнее, несколько фраз, были написаны весной 1862 г. в камере Тверской полицейской части студентом Московского университета Петром Зайчневским. Будучи арестованным за крамольные мысли, изложенные в перехваченном полицией письме к товарищу, он «на досуге» (благо, что условия заключения не отличались строгостью) составил прокламацию «Молодая Россия». В ней впервые в России убийство открыто признавалось нормальным средством достижения социальных и политических изменений. «Мы изучали историю Запада,— писал Зайчневский,— и это изучение не прошло для нас даром; мы будем последовательнее не только жалких революционеров 92 года, мы не испугаемся, если увидим, что для ниспровержения современного порядка приходится пролить втрое больше крови, чем пролили якобинцами в 90-х годах». Для Зайчневского террор — средство убрать с дороги «императорскую партию». Если захватить Зимний дворец и перебить «живущих там», то «может случиться, что все дело кончится одним истреблением императорской фамилии, т. е. какой-нибудь сотни, другой людей...»¹.

В другом месте автор «Молодой России», указывая на связь царя с «императорской партией», угнетающей народ, замечает: «Ни он без нее, ни она без него существовать не могут. Падает один — уничтожится и другая»². Зайчневский не был сторонником индивидуального террора. Но в этой мимоходом брошенной фразе сформулирована идея, воодушевлявшая тысячи русских революционеров на убийства и самопожертвование. Персонафикация власти в России, сакральность фигуры царя вызвали великий соблазн — одним ударом разрушить могущество этой власти, расчистить дорогу для осуществления идей, которые должны привести к всеобщему благоденствию.

Соблазн террористической идеи, кроме того, что ее реализация, казалось, вела кратчайшим путем к цели, заключался еще и в ее своеобразной «гуманности». С одной стороны, истребление «сотни, другой людей», а с другой — если придется издать крик: «В топоры!» — «... тогда бей императорскую партию, не жалея, как не жалеет она нас теперь, бей на площадях, если эта подлая сволочь осмелится выйти на них, бей в домах, бей в тесных переулках городов, бей на широких улицах столиц, бей по деревням и селам! Помни, что тогда, кто будет не с нами, тот будет против, кто против, тот наш враг, а врагов следует истреблять всеми способами»³.

Свирепые призывы «Молодой России» оказались весьма на руку властям, ужесточившим репрессии против истинных и потенциальных «смутьянов», а также охранительной прессе, связавшей идею прокламации с петербургскими пожарами лета 1862 г.— в поджогах молва обвиняла студентов. «Молодая Россия» вызвала критику со стороны здравомыслящих лидеров радикального лагеря. Ее неизвестных тогда авторов пожурил Герцен, списывая, впрочем, их чрезмерную кровожадность на молодость и любовь к р-революционной фразе: «Кто знаком с возрастом мыслей и выражений, тот в кровавых словах «Юной России» узнает лета произносящих их. Террор революций с своей грозной обстановкой и эшафотами нравится юношам, так, как террор сказок с своими чародеями и чудовищами нравится детям»⁴.

В другой статье по поводу «Молодой России» Герцен также акцентировал внимание на возрасте ее авторов, одновременно иронизируя по поводу испуга властей: «все это страшное дело, поставившее Российскую империю и Невский проспект на край социального катаклизма, разорвавшее последнюю связь между хроническим и острым прогрессом, сводится на юношеский порыв, неосторожный, несдержанный, но который не сделал никакого вреда и не мог сделать. Жаль, что молодые люди выдали эту прокламацию, но винить мы их не станем. Ну что упрекать молодости ее молодость, сама пройдет,

* Будницкий Олег Витальевич, кандидат исторических наук, докторант Института российской истории РАН.

как поживут... Горячая кровь..., а тут святое нетерпение, две-три неудачи — и страшные слова крови и страшные угрозы срываются с языка. Крови от них ни капли не пролилось, а если прольется, то это будет их кровь — юношей-фанатиков»⁵.

Мудрый Искандер оказался прав только в одном — кровь «юношей-фанатиков» действительно пролилась. Но «террор сказок» они и их последователи вполне успешно сделали кровавой былью.

Зайчевский и его друзья были не одиноки в своих настроениях. В. И. Кельсиев, приехавший в Россию весной 1862 г., свидетельствовал впоследствии, что «Молодую Россию» никто не хвалил, но думавших одинаково с нею было множество; ей только в вину ставили, что она разболтала то, о чем молчать следовало»⁶. Ультрарадикальные настроения нарастали. Очень скоро люди, столь же решительные, как «якобинец» Зайчевский, не без влияния «Молодой России» или вовсе без этого влияния, развивая взгляды о необходимости физического истребления политических противников или придя к этим взглядам самостоятельно, создадут целую систему идеологического обоснования терроризма и, что самое существенное, перейдут от теории к практике в невиданных еще в мировой истории масштабах. 4 апреля 1866 г. раздался выстрел Каракозова. Эпоха терроризма в России началась.

Почти полвека едва ли не основными средствами воздействия радикалов на власть были кинжал, револьвер, бомба. От рук террористов пали император Александр II, министры Н. П. Боголепов, Д. С. Сипягин, В. К. Плеве, великий князь Сергей Александрович, десятки губернаторов, прокуроров, полицейских чинов. Завершил список жертв терроризма премьер-министр П. А. Столыпин, смертельно раненный в Киевском оперном театре 1 сентября 1911 г. Гибли «попутно» и не замешанные в политику люди — солдаты Финляндского полка при взрыве в Зимнем дворце, подготовленном народовольцами, или посетители дачи Столыпина, взорванной максималистами 12 августа 1906 г.

Власть не оставалась в долгу. Впрочем, это еще вопрос, кто кому возвращал «долги». Общество ли власти за каторгу Чернышевского и Николая Серно-Соловьевича, высылки без суда, смертные приговоры по оговору провокаторов, или власть — обществу за чрезмерный радикализм требований и действий? Долгое время мы смотрели только с одной стороны — со стороны революционеров. И с этой точки зрения марксистская историография и публицистика оценивала индивидуальный террор лишь как нерациональное средство борьбы, которое, однако, нельзя было преодолеть, не испробовав. Поэтому народовольцы, скажем, представляли по преимуществу героями, а эсеры — «революционными авантюристами». В наши дни, когда российская история сделала очередной зигзаг, многие публицисты поспешили переставить знаки. Революционеры представляются нынче кровавыми злодеями, а их жертвы — невинными мучениками.

В действительности все, конечно, было гораздо сложнее. Насилие было, увы, взаимным, и кровавую спираль раскручивали обе стороны. Это было, в известном смысле, самоистребление. Ведь подобную власть породило само российское общество, не нашедшее впоследствии иных форм ее ограничения, чем убийства. И кто более виноват в умножении насилия в стране — полубезумный Каракозов, наслушавшийся кроваво-инфантильных разговоров в кружке своего двоюродного брата Н. А. Ишутина, или император Александр II, утвердивший смертный приговор этому не вполне вменяемому человеку? Кто знает, как пошла бы дальше история России, если бы Александр III прислушался к призыву Владимира Соловьева и помиловал убийцу своего отца, морально разоружив (пожалуй, даже морально уничтожив) революционеров, а не создал бы своей волей и руками палача мучеников революции и предмет подражания для тысяч неофитов! Ведь что ни говори, а Софья Перовская и Андрей Желябов (точнее, их образы) были самыми вдохновляющими и бесспорными фигурами русской революции.

Возникает естественный вопрос: почему? Почему именно в России терроризм принял столь широкие масштабы и достиг столь совершенных организационных форм? Все-таки именно «Народная воля» стала прообразом для последующих (и не только российских) террористических организаций. Вопрос имеет не только историографический характер. Терроризм остается одной из главных «болячек» человечества в настоящее время; в последние годы темпы роста террористических действий на территории бывшего СССР заставляют вспомнить о русской смуте начала века.

Итак, почему Россия? С одним выводом, к которому пришли историки еще до Октябрьской революции, можно вполне согласиться — незавершенность реформ⁷. Причем наиболее «пострадавшей» стороной оказалось «общество», оставшееся бесправным и вскоре — почти «безгласным», когда правительство, чересчур забрав «влево», начало перекладывать руль. Народ, как водится, безмолвствовал. А те, кто «объективно» выражал его интересы, были от него, по совершенно справедливому выражению самого цитируемого в России автора, «страшно далеки». «Ближе», чем декабристы, но все равно далеки. Отсюда и выросло единоробство интеллигенции с самодержавием. Логично, за исклю-

чением того, что, по моему мнению, ничьи интересы революционеры «объективно» не выражали. В том-то и дело, что были они до чрезвычайности субъективны и выражали свои, именно свои интересы — интересы образованных или чаще полуобразованных людей, стремящихся к самореализации, и, для начала — к устранению внешних для этого препятствий.

«Зачем же я учился, зачем наукой во мне возбуждена любознательность, если я не имею права сказать моего личного мнения или не согласиться с таким мнением, которое само по себе авторитетно», — показывал на следствии по делу петрашевцев не кто иной, как будущий автор «Бесов»⁸. В пореформенной России люди, которые «учились», хотели не только свободно говорить, но и делать. И делать помимо «начальства», и вовсе не так, как оно хочет. Результат известен. Власть полагала, что нигилистов скорее образумят строгие меры. Народ, если и бунтовал, то вовсе не в ответ на призывы революционеров. Большая часть «солидного» общества предпочитала реальные дела на государственной или частной службе, хотя и поругивала начальство, и сочувствовала молодежи. Но радикалы не «образумились». Они пошли до конца.

Конечно, на их знаменах не могли быть написаны лозунги борьбы за свои собственные интересы. Разумеется (и вполне искренне) они хотели принести благо тому самому народу, который их отверг (заметим, не только в 1870-е гг., но и столетие спустя). Теоретическое обоснование своей активности и какое-то объяснение пассивности народа они нашли в идеях П. Л. Лаврова и Н. К. Михайловского. Наиболее эффективный (и эффективный — что в данном случае не менее важно) путь борьбы они нашли сами.

В переходе к террору сыграли роль несколько факторов: разочарование в готовности народных масс к восстанию, пассивность большей части общества (да и слабое его влияние на власть), желание отомстить за преследования со стороны правительства. Наконец, как уже говорилось выше, своеобразным провоцирующим фактором было политическое устройство России и персонификация власти. Террористы, по-видимому, поначалу переоценивали реальное значение императора во властных структурах страны. Терроризм, по логике его идеологов и практиков, должен был способствовать дезорганизации правительства; в то же время он являлся своеобразной формой «диалога» с ним — угрозы новых покушений должны были заставить власть изменять политику; терроризм рассматривался как средство «возбуждения» народа, с тем, чтобы, возможно, подтолкнуть его к восстанию. На стыке логики и психологии было стремление подтолкнуть историю, ускорить ход исторического процесса (характерна знаменитая фраза Желябова в передаче П. П. Семенюты: «история движется ужасно тихо, надо ее подталкивать»⁹). Нельзя не согласиться с Г. В. Плехановым, что в переходе народников от пропаганды к террору в конце 1870-х гг. главную роль сыграла не невозможность работы в деревне, а настроение революционеров¹⁰.

В литературе уже обращалось внимание на традиционные (религиозные) основы психологии революционеров-народников¹¹. Изменился объект, но не изменилась структура религиозного чувства. Место Бога занял народ. Еще в большей степени религиозный момент прослеживается в психологии террористов (до перехода к массовому террору в 1905—1907 гг.). Люди, борющиеся за царство справедливости, прибегают к убийствам, причем зачастую лично ни в чем не повинных, а то и просто случайных людей. Оправданием этому может служить лишь то, что они являются искупительной жертвой. Так же как в жертву приносят, как правило, свою жизнь и сам террорист. Альбер Камю, много размышлявший о метафизическом смысле революционного насилия, очень точно назвал русских террористов «разборчивыми убийцами». «Надо думать, — писал он, — что, принимая необходимость насилия, они все же признавали его неоправданность. Убийство было для них неотвратимым, но и непростительным актом... Не в силах оправдать того, что они считали необходимым, они решили найти оправдание в самих себе и ответить самопожертвованием на стоявший перед ними вопрос. Для них... убийство отождествлялось с самоубийством. Одна жизнь представляла расплатой за другую, и обе эти жертвы служили залогом неких грядущих ценностей»¹². Речи в судах террористов — и народовольцев, и эсеров — обычно не средство защиты, это публичное провозглашение символа веры. Не личного, а партийного. Характерно, что Егор Сазонов опасался, не впал ли он в своих показаниях в «народовольческий грех», т. е. в противоречие с программными установками партии социалистов-революционеров¹³.

Еще одна проблема, неизбежно встающая перед исследователем терроризма в России — почему русские революционеры столь упорно возвращались к этому способу борьбы, несмотря на его кажущуюся неэффективность. Тем более что террористическая тактика подверглась, на первый взгляд, весьма убедительной и логичной критике на страницах социал-демократической печати. Наряду с тем, о чем говорилось выше, — нежеланием власти вести диалог с обществом, подталкивавшим наиболее

радикальную его часть к силовым методам (а такие условия в неизменном виде сохранялись вплоть до октября 1905 г.), и чисто психологическими моментами — нетерпением и жадной мести, надо, по-видимому, задуматься о самом понятии эффективности и рациональности применительно к террору.

Во-первых, террор действительно заставлял правительство идти на уступки. Достаточно вспомнить «диктатуру сердца» М. Т. Лорис-Меликова и разрабатывавшиеся под его руководством проекты преобразования государственного строя России — несомненно, решающим толчком к изменению курса был взрыв в Зимнем дворце 5 февраля 1880 г. Убийство министра внутренних дел В. К. Плеве 15 июля 1904 г. привело к «либеральной весне» при его преемнике П. Д. Святополк-Мирском. Любопытные данные содержатся в мемуарах бывшего директора Департамента полиции А. А. Лопухина, утверждавшего, что поворот Николая II в сторону «конституции» (рескрипт на имя министра внутренних дел А. Г. Булыгина) был вызван не событиями 9 января 1905 г., когда войска доказали свою верность режиму, а убийством его дяди великого князя Сергея Александровича, в чем император увидел приближение опасности для себя лично¹⁴.

«Классическим» аргументом критиков терроризма является то, что убийство народовольцами Александра II остановило «конституционный» процесс — Александр III отказался подписать проект Лорис-Меликова. Критики словно забывают, что на «конституционный» путь правительство заставили вступить именно террористы. К тому же, кто может быть уверенным, что Александр II подписал бы проект, останься он жив? Вполне вероятно, что полиция арестовала бы заговорщиков и в случае неудачного покушения. Где гарантии, что, умри Александр II естественной смертью, его преемник не поступил бы точно так же, как и после цареубийства? Наконец, кто может с уверенностью прогнозировать поведение нового императора, совершив оставшиеся на свободе народовольцы попытку нового покушения? С моей точки зрения, террор оказался наиболее эффективным средством борьбы при ограниченности сил революционеров. Терроризм, по совершенно справедливому замечанию П. Н. Дурново, «это очень ядовитая идея, очень страшная, которая создала силу из бессилия»¹⁵.

Во-вторых, по меткому выражению В. Л. Бурцева, «террористическая борьба идейно воспитывала русское общество»¹⁶. Террор был не только эффективен — он был эффектен. Сошедший с рельсов поезд, взрыв в Зимнем дворце, убийство министра, которому террорист предварительно вручает пакет со смертным приговором, великий князь, разорванный в клочья взрывом бомбы у ворот Кремля... Смелые речи на процессах, мужественный — а нередко и женственный — облик террористов и террористок... Тот же Бурцев вспоминал, что он был распропагандирован прежде всего чтением материалов народовольческих процессов, опубликованных в официальной печати. И таких, как он, было немало. Правительство, спохватившись, после дела 1 марта запрещает публиковать отчеты о процессах в печати. Впоследствии цензурным преследованиям подвергались перепечатки официальных материалов! К суду привлекались, к примеру, издатели, выпустившие стенограмму процесса «первомартовцев» и т. п.¹⁷ Но было поздно. Тысячи молодых людей жадно читали драматические истории о борьбе за народное освобождение, о героях, вступивших в схватку с могущественной империей. «Многие из них начинали революционно мыслить как народовольцы. Почти все в ранней юности восторженно преклонялись перед героями террора», — писал В. И. Ленин¹⁸. По-видимому, он имел в виду и себя¹⁹.

Кстати, о средствах массовой информации. Террористический акт без широкой огласки — нонсенс, террористам обязательно нужен эффект. Одной из серьезных проблем современного общества, «больного» насилием, является: как совместить свободу слова и информации с тем, чтобы не создавать паблисити террористам?

Была и еще одна сторона «воспитательного» воздействия терроризма — общество привыкло к насилию. Убийство становилось «нормальным» средством политической борьбы. «Плеве надо убить... Плеве пора убить», — твердил считавшийся либералом князь Д. И. Шаховской после аудиенции у министра²⁰. А, впрочем, как еще можно было отправить в отставку ненавистного временщика? Когда Плеве действительно был убит, современник записал в дневнике, что его смерть «только всколыхнула и заинтересовала всех — не более. Петербург даже острит, что Николаю II следовало бы обидеться: на него не обращают внимания и, очевидно, считают царствующими его министров (Сипягин, Боголепов, Плеве)». После убийства великого князя Сергея Александровича тот же «интеллигентный обыватель», педантичный и наблюдательный С. Р. Минцлов, отметил, что «телеграммы об этом произвели большой и притом радостный эффект в городе: „кто будет № 2 ?" — задают вопросы друг другу. ... Сергея ухлопали основательно: его разорвало на куски... Петербуржцы не только радуются, но и поздравляют друг друга с этим убийством»²¹.

В-третьих, террористы, действительно, подрывали «обаяние» правительственной силы. Цареубийство 1 марта 1881 г. доказало, что хорошо организованная группа обыкновенных людей может

достичь поставленной цели, какой бы невероятной она ни казалась. Убить «помазанника Божия» в центре столицы, объявив ему заранее приговор! И вся мощь великой империи оказалась бессильной перед «злой волей» этих людей. В этом был великий соблазн. Сообщения газет о раздробленных ногах божества сделали для развенчания власти больше, чем тысячи пропагандистских листов, вместе взятых. Возможно, важнейший итог 1 марта 1881 г.— «десакрализация» власти.

Путь «людей 1-го марта» привлекал еще и по следующим обстоятельствам: он был кажущаяся прост и понятен, казался наиболее рациональным и даже гуманным. В самом деле — или тысячи жертв массовой революции, или точно нанесенный удар по виновникам (истинным или мнимым) народных страданий.

Влияние террористических идей было чрезвычайно велико в российском освободительном движении. Их не чуждались, вопреки распространенному мнению, не только эсеры и анархисты, но и социал-демократы. Не осуждали, до поры до времени, и либералы. Ленин еще в статье «С чего начать?» подчеркивал, что «принципиально мы никогда не отказывались и не можем отказываться от террора»²². Ю. М. Стеклов писал, что террор — это «костюм, который с изменением условий можно сдать в архив и снова извлечь оттуда в случае надобности»²³. Полемика «искровских» публицистов против эсеровского террора вызвана, на мой взгляд, скорее партийной конкуренцией (а после первых успешных актов Боевой организации авторитет эсеров резко пошел в гору), чем действительным неприятием этого способа борьбы.

Во всяком случае, когда дошло до «дела», в 1905 г., Плеханов заявил, что «обстоятельства меняются, а террор не принцип» и «может быть, скоро придет такое время», когда он «не менее энергично» станет «высказываться в пользу террора»²⁴. Ленин, позабыв свои обвинения эсеров в «революционном авантюризме», по сути, требовал от большевистских организаций перехода к массовому террору, называя его, правда, партизанской борьбой. Осенью 1905 г. он писал в Боевой комитет при Санкт-Петербургском комитете: «... Я с ужасом, ей-богу с ужасом, вижу, что о бомбах говорят больше полгода и ни одной не сделали!... Идите к молодежи, господа!... Основывайте тотчас боевые дружины везде и повсюду и у студентов, и у рабочих особенно, и т. д. и т. д.... Пусть тотчас вооружаются они сами, кто как может, кто револьвером, кто ножом, кто тряпкой с керосином для поджога и т. д.... Не требуйте никаких формальностей, наплойте, Христа ради, на все схемы, пошлите вы, бога для, все «функции, права и привилегии» ко всем чертям... Отряды должны тотчас же начать военное обучение на немедленных операциях, тотчас же. Одни сейчас же предпримут убийство шпика, взрыв полицейского участка, другие — нападение на банк для конфискации средств для восстания... Пусть каждый отряд учится хотя бы на избивании городовых: десятки жертв окупятся с лихвой тем, что дадут сотни опытных борцов, которые завтра поведут за собой сотни тысяч»²⁵. Большевики создали собственную Боевую техническую группу и — любопытный штрих — бомбы, которыми максималисты взорвали дачу Столыпина, были изготовлены в большевистской динамитной мастерской²⁶.

Позицию части российских либералов по отношению к правительству и террористам образно и точно изобразил в свое время М. Н. Катков: «уступи, а не то „они“ будут стрелять»²⁷. Стремление «использовать» террористов для достижения своих собственных целей было присуще русским либералам и позднее. П. Н. Милюков еще до выстрела П. В. Карповича считал возобновление терроризма в России неизбежным, а преимущество «последователей „Народной воли“» перед социал-демократами видел в том, что они «чувствовали себя свободными пойти дальше и воскресить наиболее грозный — террористический — способ революционной деятельности»²⁸. При личной встрече с Лениным в Лондоне в 1903 г. «он очень упрекал искровцев за полемику против террора после убийства Балмашевым Сипягина и уверял... что еще один-два удачных террористических акта — и мы получим конституцию»²⁹. «Освобожденцы» террором не занимались, но и морального осуждения этому способу борьбы не выносили, — вспоминала А. В. Тыркова³⁰. Будущий «веховец» П. Б. Струве восторженно встретил известие об убийстве Плеве. Приведенные примеры можно легко умножить.

В 1905 г. революционные идеи овладели массами. Идея построения общества справедливости, царства трудящихся, была весьма привлекательна, пути ее реализации просты и понятны — уничтожить эксплуататоров, перестрелять, в конце концов, всю эту «сволочь» — жандармов, директоров заводов, шпииков, производственных мастеров, не дававших житья «простому человеку». Идея революционного насилия попала на благоприятную почву нищеты, озлобленности, примитивного мышления и воплотилась в такие формы, с которыми, вероятно, не ожидали столкнуться ее пропагандисты.

Террор, бывший уделом избранных, героических личностей, стал явлением массовым. На смену Желябову и Перовской, Сазонову и Каляеву, задававшимися вопросами о целесообразности насилия, о личной ответственности, о жертве и искуплении, пришли люди, стрелявшие без особых раздумий — и

не обязательно в министров, прославившихся жестокостью, или военных карателей,— а в тех, кто подвернулся под руку не вовремя,— обычного городского, или конторщика, на свою беду сопровождавшего крупную сумму денег, потребовавшуюся на революционные нужды. Впрочем, сумма могла быть и не очень крупной, могла быть не казенной, а частной — не все ли равно, если деньги в чужих руках — следствие эксплуатации, а р-революционерам, к примеру, не хватает средств на трамвайные билеты чтобы поехать за город для упражнений в стрельбе. Тексты воспоминаний этих «новых людей» временами кажутся пародией («у меня был наган, и я чувствовал, что сейчас же с оружием в руках можно начать борьбу за социализм») ³¹, а их авторы — персонажами Андрея Платонова. Однако это не пародия. Таков был образ мыслей — и действий.

Подрастало поколение, для которого насилие становилось нормой, а человеческая жизнь вовсе не казалась высшей ценностью. Многим боевикам, в сущности, не важно было, от имени какой партии они стреляют или «экспроприируют». Нередки были случаи перехода из одной партии в другую — если там было больше простора для «боевой» деятельности. Да что говорить о «малых сих», лишь вчера услышавших о «социализации» или о Марксе, если сам Борис Савинков предлагал лидеру максималистов Михаилу Соколову сотрудничество, так как оба они — террористы, а расхождение партийных программ дело второстепенное ³².

Терроризм «слева» имел зеркальное отражение «справа», в виде черносотенного террора, что хорошо показано в книге С. А. Степанова ³³. Столыпинское кровопускание, или, по терминологии премьера, врачебные меры, наряду с умиротворением страны увеличивали, если можно так выразиться, сумму насилия в обществе. Возможно, легкое отношение к человеческой жизни, столь поражающее в истории России с 1917 г., сформировалось именно тогда, когда массовый терроризм снизу столкнулся с террором сверху.

Полагаю, что государственный террор, унесший с 1917 г. миллионы жизней, имеет генетическую связь с террором дореволюционным — как лево- и правозкстремистским, так и правительственным. И если мы хотим понять, каким образом политические убийства (по суду или без оногo) государством своих граждан стали нормой на десятилетия, необходимо обратиться к истокам политического экстремизма в истории России. Волна терроризма, захлестнувшая нашу страну в последние годы, заставляет еще раз заглянуть в то универсальное зеркало, каким является история. История, как известно, имеет свойство повторяться. В случае с терроризмом повторяется она чаще как трагедия, а не как фарс. Тем важнее усвоить ее уроки.

Примечания

¹ Утопический социализм в России: Хрестоматия. М., 1985. С. 331, 333—334.

² Там же. С. 329.

³ Там же. С. 334.

⁴ Герцен А. И. Журналисты и террористы//Герцен А. И. Собр. соч.: в 30 т. М., 1959. Т. XVI. С. 221.

⁵ Герцен А. И. Молодая и старая Россия//Там же. С. 202.

⁶ Цит. по: Козьмин Б. П. П. Г. Зайчневский и «Молодая Россия»//Козьмин Б. П. Из истории революционной мысли в России. М., 1961. С. 289—290.

⁷ Так, А. Е. Пресняков считал, что правительство после реформ 1860-х гг. отказалось «от дальнейшей творческой работы» и тем самым вызвало революционное движение, приведшее к «мартовской трагедии» (Пресняков А. Революционное народничество//Московский еженедельник. 1906. № 27. С. 39—40, 46). Аналогичных взглядов придерживались А. А. Корнилов, П. Б. Струве и др. (Подробнее см.: Будницкий О. В. История изучения «Народной воли» в конце XIX — начале XX в.: дис... канд. ист. наук. М., 1988).

⁸ Бельчиков Н. Ф. Достоевский в процессе петрашевцев. М., 1971. С. 120.

⁹ Семенова П. П. Из воспоминаний об А. И. Желябове//Былое. 1906. № 4. С. 219.

¹⁰ Плеханов Г. В. Предисловие к русскому изданию книги А. Туна «История революционных движений в России»//Плеханов Г. В. Соч., М.; Л., 1927. Т. XXIV. С. 97.

¹¹ Пантин И. К., Плимак Е. Г., Хорос В. Г. Революционная традиция в России. М., 1986. С. 226—236.

¹² Камю Альбер. Бунтующий человек. М., 1990. С. 249. Камю писал, что, «взрывая бомбы», русские революционеры-террористы, «разумеется, прежде всего стремились расшатать и низвергнуть самодержавие. Но сама их гибель была залогом воссоздания общества любви и справедливости, продолжением миссии, с которой не справилась церковь. По сути дела, они хотели основать церковь, из лоно которой явился бы новый Бог». В то же время он указывал, что «на смену этим людям явятся другие, одухотворенные все той же всепоглощающей идеей, они... сочтут методы своих предшественников сентиментальными и откажутся признавать, что жизнь одного человека равна жизни другого... Сравнительно с будущим воплощением идеи жизнь человеческая может быть всем или ничем. Чем

сильнее грядущие «математики» будут верить в это воплощение, тем меньше будет стоить человеческая жизнь. А в самом крайнем случае — ни гроша» (с. 246, 249). Что и получилось на самом деле.

¹³ См.: Савинков Борис. Воспоминания террориста//Савинков Б. Избранное. М., 1990. С. 67.

¹⁴ Лопухин А. А. Отрывки из воспоминаний. М.; Пг., 1923. С. 59—60.

¹⁵ Воспоминания Льва Тихомирова. М.; Л., 1927. С. 104—105.

¹⁶ ГА РФ, ф. 5802, оп. 2, ед. хр. 1, л. 13.

¹⁷ См.: Будницкий О. В. История «Народной воли» в идейной борьбе первой российской революции//Революционеры и либералы России. М., 1990. С. 271—292.

¹⁸ Ленин В. И. ПСС. Т. 6. С. 180.

¹⁹ Воспоминания о В. И. Ленине. Т. 1. М., 1984. С. 21, 30, 212, 259; Pipes Richard. The Origins of Bolshevism: The Intellectual Evolution of Young Lenin//Pipes R. Russia Observed: Collected Essays on Russian and Soviet History. Boulder; San Francisco and London, 1989. P. 123—150.

²⁰ Тыркова-Вильямс А. На путях к свободе. Нью-Йорк, 1952. С. 166.

²¹ Минцлов С. Р. Дневник//Голос минувшего. 1917. № 9—10. С. 237; № 11 — 12. С. 29. С. Р. Минцлов — беллетрист и библиограф, служил в Петербургской таможне.

²² Ленин В. И. ПСС. Т. 5. С. 7.

²³ Стеклов Ю. М. Памяти «Народной воли»//Стеклов Ю. М. Борцы за социализм. М.; Л., 1924. Ч. 2. С. 80. Впервые напечатано в «Социал-демократическом календаре» (Женева, 1902).

²⁴ Плеханов Г. В. Предисловие к женеvскому собранию сочинений//Плеханов Г. В. Соч. Т. 1. Пг., 1920. С. XV.

²⁵ Ленин В. И. ПСС. Т. 11. С. 336—338. О преемственности революционных традиций народничества и русского марксизма неоднократно, вслед за Н. А. Бердяевым (см. его «Истоки и смысл русского коммунизма»), писали западные историки. В наиболее отчетливой, хотя и несколько прямолинейной форме связь между народничеством и большевизмом изобразил американский историк Дж. Биллингтон: «... Изготовление бомб стало не менее важной объединяющей силой в революционных кружках, чем печатание прокламаций. Динамитные мастерские, впервые появившиеся у „Народной воли“ в конце семидесятых, возродились в студенческой группе старшего брата Ленина в конце восьмидесятых и вновь в виде „технических бюро“ собственной большевистской партии Ленина и других групп, распространившихся по всей России на рубеже веков... Его (Ленина.— О. Б.) большевистская партия была глубоко укоренена в русской революционной традиции; и представляла собой... не столько „партию нового типа“, сколько завершение формирования партии, о которой мечтал его брат. Под маской марксизма скрывалась прежняя фигура революционера-интеллигента, устанавливающего политическую власть при помощи магической формулы: сциентизм + народничество + террористическая тактика» (Billington James. Fire in the Minds of Men. L., 1980. P. 388. 414).

²⁶ Сулимов Сергей. Мастерская бомб//Боевая группа при ЦК РСДРП(б). 1905—1907: Статьи и воспоминания. М.; Л., 1927. С. 118.

²⁷ Ленин В. И. ПСС. Т. 12. С. 301.

²⁸ Milljov Paul. Russia and Its Crisis/Crane Lectures for 1903. Chicago; L., 1905. P. 490.

²⁹ Алексеев Н. А. В. И. Ленин в Лондоне (1902—1903): Отрывки из воспоминаний//Пролетарская революция. 1924. № 3(26). С. 152.

³⁰ Тыркова-Вильямс А. Указ. соч. С. 176.

³¹ Сергеев А. Патронная мастерская и вооруженное сопротивление в 1905—1908 гг.//Боевая группа при ЦК РСДРП(б). 1905—1907. С. 100.

³² Савинков Борис. Указ. соч. С. 174. ³³ Степанов С. А. Черная сотня в России (1905—1914 гг.). М., 1992. С. 142—161.

© 1994г. М. Д ЭВИС *

ЭЛИЗАБЕТ СМИТ И ВАЛЕНТИНА ДМИТРИЕВА: ЖИЗНЬ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАНАДСКОЙ И РУССКОЙ ЖЕНЩИН-ВРАЧЕЙ В КОНЦЕ XIX ВЕКА

В конце XIX в. женщине, чтобы получить высшее образование и утвердиться на профессиональном поприще, требовались особая настойчивость и сила духа, ведь перед ними, как правило, был открыт лишь один путь: ведение домашнего хозяйства. Женщины, решившиеся пойти против традиционных общественных установок, обычно избирали для себя область медицины.

* Дэвис Милдред, преподаватель Университета г. Ватерлоо (Канада).
Перевод А. А. Маракулина.